

Обсуждаем содержание Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»

Статьи 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации в современной редакции приняты с начала 2000-х годов. Первоначально состав преступлений по указанным статьям не был актуальным, соответственно не было и практики. По рассматриваемым же делам судами неоднократно выносились оправдательные приговоры по этим статьям.

С ростом экстремистских проявлений наметился рост преступности по делам данной категории.

Только, в 2010 году суды рассмотрели 613 эпизодов обвинения по «экстремистским» составам УК РФ, по наиболее тяжким из них осуждены 329 человек. Из них 90 человек были признаны виновными в нанесении вреда здоровью различной тяжести из экстремистских побуждений, 21 осужден за убийство, а 15 – за хулиганство на почве этнической и социальной розни, 23 – за экстремистские призывы (ст. 280 УК РФ), 23 – за организацию экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ) и 22 – за создание экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ) [1].

Для нашей области эта проблема является также актуальной, в 2010 году было рассмотрено 12 уголовных дел указанной категории в отношении 33 лиц, 4 из них – несовершеннолетние. В 2011 году рассмотрено 12 уголовных дел в отношении 28 лиц, 11 из них – несовершеннолетние, а за 6 месяцев 2012 года рассмотрено 3 уголовных дела в отношении 6 лиц и 3 из них несовершеннолетние.

Учитывая, что в последние годы произошел рост преступлений экстремистской направленности, Пленумом Верховного Суда РФ даны разъяснения.

В этой ситуации важность принятия 28 июня 2011 года Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» [2], в котором разъяснены некоторые положения антиэкстремистского законодательства, является безусловной. В Постановлении рассматриваются не только отдельные сложности правоприменения и квалификации преступлений по мотивам экстремизма, но и

Ю.С. Магнуров

прокурор отдела управления по обеспечению участия прокуроров при рассмотрении уголовных дел судами прокуратуры Нижегородской области

поясняются базовые понятия. Дело в том, что в действующем российском законодательстве нет единой позиции относительно содержания и формы понятия «экстремизм», поскольку еще не были выработаны четкие критерии.

По справедливому замечанию профессора В.В. Лунеева «...в правовом смысле вне конкретных зачетов понять суть экстремизма и экстремистских преступлений невозможно, а сам экстремизм может проявляться в административном правонарушении и преступлении» [3]. Таким образом, экстремизм можно рассматривать только в контексте имеющихся у современного государства аппарата санкций.

В Постановлении разъясняется, что конкретно подразумевается в ст. 282 УК РФ под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды: под таковыми «следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида, массовых репрессий, депортаций, совершения иных противоправных действий, в том числе применения насилия, в отношении представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии и других групп лиц» [4].

Важнейшей новацией Постановления является применение понятия «социальная группа», относящееся к разным группам государственных служащих при комментировании состава ст. 282 УК РФ. Причина в том, что в законодательстве не прописано опреде-

ление спорного понятия «социальная группа». «В науке это один термин, а в нашей, уголовно-правовой сфере – совсем другой», – неоднократно отмечал Председатель судебного состава докладчиков Президиума Верховного Суда Российской Федерации В.А. Давыдов [5]. Статья 282 УК РФ предусматривает серьезное наказание за действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признаку принадлежности к какой-либо социальной группе. Верховный Суд счел такую практику недопустимой и указал на то, что пределы допустимой критики в отношении должностных лиц (профессиональных политиков) шире, чем в отношении частных лиц, и это должно учитываться, когда речь идет об установлении в содеянном против них действий, направленных на унижение достоинства человека или группы лиц, которые квалифицируются по ст. 282 УК РФ. Мотивацией этого решения стали ссылки на Декларацию о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой Комитетом министров Совета Европы в 2004 г., и на соответствующие решения Европейского суда по правам человека. Согласно этим документам, «политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в средствах массовой информации» [6].

Как известно, одной из важнейших составляющих современного комплекса прав и свобод человека и гражданина является право на свободу слова и вероисповедания. В Постановлении Верховного Суда есть положение, направленное на защиту свободы слова: «Критика политических организаций, идеологических и религиозных объединений, политических, идеологических или религиозных убеждений, национальных или религиозных обычаев сама по себе не должна рассматриваться как действие, направленное на возбуждение ненависти или вражды» [7].

Важное замечание относится и к вопросу о лингвистической экспертизе, которая может назначаться «в необходимых случаях для определения целевой направленности информационных материалов», а не во всех случаях, как это имеет место быть в современных условиях. В Постановлении подчеркивается, что «не допускается постановка перед экспертом не входящих в его компетенцию правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции суда. В частности, перед экспертами не могут быть поставлены вопросы о том, содержатся ли в тексте призывы к экстремистской де-

ятельности, направлены ли информационные материалы на возбуждение ненависти или вражды» [8].

Согласно Постановлению, уголовная ответственность по ст. 282.1 УК РФ наступает с созданием экстремистского сообщества и началом подготовки (а не фактическим совершением) хотя бы одного преступления.

Кроме этого, Пленум Верховного Суда разграничил преступления и правонарушения, связанные с участием в деятельности объединений или организаций, чья деятельность приостановлена или запрещена за экстремизм. Так, участие в деятельности организации, чья деятельность приостановлена, подпадает под действие Кодекса об административных правонарушениях (ст. 20.28 КоАП РФ – организация деятельности общественного или религиозного объединения, в отношении которого принято решение о приостановлении его деятельности), а участие в запрещенной организации квалифицируется по ст. 282 УК РФ.

Кроме того, Верховный Суд РФ обратил внимание судов, рассматривающих дела об экстремистских сообществах, что для признания какой-либо группы таким сообществом предварительного судебного решения о запрете или ликвидации объединения, осуществляющих экстремистскую деятельность, не требуется.

Далее Верховный Суд пояснил, что распространение экстремистских материалов можно считать преступлением, предусмотренным ст. 282 УК РФ, а не административным правонарушением (ст. 20.29 КоАП РФ), лишь в тех случаях, когда доказано, что эти действия совершались с умыслом на возбуждение ненависти и вражды.

Разъяснения даны и по вопросам квалификации вандализма: подобные преступления должны квалифицироваться по соответствующим статьям УК РФ (ст. ст. 214, 243 и 244). Если же акты вандализма сопровождаются действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, то они охватываются и составом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ.

В заключение отметим имеющиеся на наш взгляд недочеты рассмотренного Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В процессе подготовки постановления, Верховный Суд неоднократно обращал внимание на то, что термины «вражда» и «ненависть» соседствуют во всех приговорах по экстремизму, поскольку сами понятия «ненависть» и «вражда» в законе прописаны через запятую и так же отражаются и в приговорах, тогда как для квалификации преступлений хватило бы одного понятия «ненависть» [9]. В процессе подготовки постановления разработчики обращались к специалистам психологического факультета МГУ, чтобы уточнить значение обоих слов.

По мнению психологов, ненависть – это чувство, причем одного человека, которое вполне может стать мотивом его действий, а вражда – это уже активное взаимодействие, для которого необходимы как минимум двое [10]. Результаты данной экспертизы так и не нашли своего места в Постановлении.

К сожалению, Верховный Суд так и не дал четкого определения термину «социальная группа», который фигурирует в Уголовном кодексе Российской Федерации. Для практики правоприменения важно, что Верховный Суд не указал, что не следует выделять как отдельную требующую защиты группу сотрудников правоохранительных органов, которые и так защищены законом. Термин «должностные лица» понимаются в российском законодательстве как лица, представляющие власть или осуществляющие от ее имени распорядительные функции. Так и остался нерешенным вопрос: относятся ли сотрудники полиции к «должностным лицам»? Другими словами, в правоприменительной практике сохраняется возможность трактовки полицейских как «социальной группы». Однако, очевидно, что сотрудники полиции это должностные лица, как указано в ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 07.02.2011 № 3–ФЗ «О полиции»: «полиция является составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел», и ч. 1 ст. 25 упомянутого закона, в соответствии с которой, «сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание, предусмотренное статьей 26 настоящего Федерального закона» [11].

Согласно ч. 1 ст. 282.1 УК РФ экстремистское сообщество это организованная группа лиц для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности. В Постановлении содержится определение экстремистского сообщества, организация которого подпадает под действие ст. 282.1 УК РФ. Под таким сообществом «следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений» [12].

Однако, не понятно, на каком основании Верховный Суд дает такое определение. В России, как нам

известно, нет прецедентного права и решения судов (прецедент) формально не признаются источником права, в связи с этим, необходимо внести в уголовное законодательство изменения, устраняющие указанные противоречия.

Также к объективным недостаткам Постановления необходимо отнести то, что в нем так и не разъяснено, что стоит за понятием «продолжение деятельности экстремистской организации» в плане применения ст. 282.2 УК РФ.

В качестве вывода отметим, что Верховный Суд не вправе менять закон, он может лишь разъяснять его, так что по-настоящему проблемы неудачных формулировок и множественности трактовок закона решаются, прежде всего, путем внесения поправок в сам закон.

В целом же Постановление Верховного Суда следует рассматривать как позитивный вклад в уголовное правоприменение, связанное с антиэкстремистским законодательством, хотя и компромиссное по своей сути исходя из существующих политико – правовых реалий. ■

Примечания:

1. www.cdep.ru
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.
3. Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал ОГУЭП, М., 2009.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.
5. www.vsrfr.ru
6. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ от 12 февраля 2004 г., www.mmdc.ru/dir13/dir36/
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.
9. www.vsrfr.ru
10. www.infosud.ru/judicial_analyst/20110609
11. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3–ФЗ (ред. от 01.07.2011) «О полиции» // «Российская газета», № 25, 08.02.2011.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.

Литература:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 N 3-ФЗ (ред. от 01.07.2011) «О полиции» // «Российская газета», №25, 08.02.2011.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступле-

ниях экстремистской направленности» // Российская газета № 5518 от 4 июля 2011 г.

3. Лунеев В.В. Российский экстремизм: политика и реалии // Криминологический журнал ОГУЭП. М., 2009.

4. Декларация о свободе политической дискуссии в СМИ от 12 февраля 2004 г., www.mmdc.ru/dir13/dir36/

5. www.cdep.ru

6. www.vsrfr.ru

7. www.infosud.ru/judicial_analyst/20110609